

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81-119

DOI 10.17223/19996195/33/1

«ВОДНЫЕ» ЗВУКОПОДРАЖАНИЯ В ФИНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Й. Виймаранта, А.А. Александрова, А.С. Богомолов,
Е.С. Пасмор, Л. Тикканен

Аннотация. Статья посвящена малоизученной теме в лингвистике – рассмотрению звукоподражательных слов. Объектами исследования стали звукоподражательные междометия типа *бултых, шлеп, кан, pläts, loiskis, lirlir*, воссоздающие звук, производимый движением жидкости или предметом и жидкостью при их взаимодействии. Таким образом, были сопоставлены данные русского и финского языков. В качестве инструмента исследования был выбран актуальный для современной лингвистики метод – анкетирование респондентов (40 человек, 22 из которых – носители русского языка и 18 – финского) на основе просмотра видеоклипов, воспроизводящих отобранные для эксперимента прототипические ситуации, сопровождаемые тем или иным звуком воды (жидкости). То есть на восприятие звука влиял также и его визуальный контекст. Респондентов попросили описать услышанный звук словом и предложением, после чего был проведен анализ полученных данных с целью выявления сходств и различий между полученными ответами. Анализ осуществлялся путем сопоставления ответов с данными об исследуемых языках на морфологическом, синтаксическом и семантическом уровнях. Согласно гипотезе исследования предполагалось, что ответы респондентов будут соответствовать общеупотребительным для каждого из языков вариантам, однако последнее не подтвердилось. Более того, носители одного и того же языка часто описывают один звук разными словами. В финском языке подобная вариация реализовалась сериями похожих звукоподражаний, в русском – в основном употреблением разных, не связанных между собой фонетически звукоподражаний, или окказионализмов. Употребление русских звукоподражательных междометий в функции сказуемого не было распространено в этом материале.

Ключевые слова: звукоподражания; русский язык; финский язык; лингвистический эксперимент.

Постановка проблемы

Русские звукоподражательные междометия типа *бац, плюх, звяк* и их финские эквиваленты представляют собой малоизученную группу слов данных языков. Как известно, в русском языке звукоподражательные междометия – это неизменяемые слова, по форме похожие на су-

ществительное мужского рода. Это, возможно, влияет на то, что некоторые из них (или омонимичные им формы) можно употреблять и в качестве существительного (например, *звяк* в значении 'звяканье'). В финском языке звукоподражательные междометия, которые по традиции называются также имитативами, отличаются от других классов слов своей формой: в них часто встречается комбинация согласных звуков (в том числе похожая на русские аффрикаты) внутри одного слога или в конце слова, что для финского языка в целом необычно. Синтаксическая особенность русских звукоподражательных междометий заключается в том, что в предложении они выступают преимущественно в функции сказуемого [1. § 1705]. Финские же звукоподражательные междометия не могут использоваться в функции сказуемого сами по себе, для этого требуются однокоренные глаголы.

Итак, существующая теоретическая информация о звукоподражательных междометиях в русском и финском языках дает основание предполагать (особенно в том случае, когда информацию о звуке надо дать не одним словом, а предложением), что грамматические тенденции этих языков сильно различаются. Специфика «водных» междометий (звукоподражаний, воссоздающих звук, производимый: 1) движением жидкости или 2) предметом и жидкостью при их взаимодействии) заключается в том, что как звуки они относительно однообразны и по громкости не вредны для слуха человека. Ситуации, связанные с водой, которые могут быть описаны с помощью «водных» междометий («водные» ситуации), также общеизвестны для человека.

В ходе исследования нам было важно, во-первых, определить отдельно «водные» междометия, содержащиеся в финском и русском языках, а во-вторых, провести их внутри- и межъязыковое (насколько подобное возможно) сравнение. Кроме этого, нас интересовало, выберут ли носители языков для описания ситуации, где звук имеет существенную роль, звукоподражательное слово или же им по каким-то причинам будет удобнее воспользоваться более регулярными словами. В межъязыковом смысле, несмотря на особую природу звукоподражательных слов, гипотетически допускающей интересные их совпадения у разных народов, мы предположили, что в русском и финском языках существуют нетождественные эквиваленты описания «водного» звука, поскольку данные языки существенно различаются и в фонетическом, и в морфологическом плане. Во внутриязыковом смысле мы предположили, что ответы респондентов не будут существенно отличаться, а значит, с помощью видеовоспроизведения типичных «водных» ситуаций мы сможем выявить основной для конкретного языка набор «водных» звукоподражаний, чтобы обсудить их центральные характеристики. Наша методология подходит и ономастическому, и когнитивному подходу при изучении лексической номинации (об этих подходах см. [2]).

Звукоподражательные междометия

Звукоподражательные междометия русского языка, как уже упоминалось, не подвергались подробному анализу. Однако они упоминаются в Русской грамматике [1. § 1705], в работах С.В. Воронина [3], И. Кор Шаин [4], Т.Г. Орлянской [5] и Е.В. Середы [6]. Описание частично схожих единиц (их называют имитативами, дескриптивными (описательными) словами, звукоподражательными словами) входит в состав работ, основанных на информации о других языках, например Фидлер [7] – чешский, Лескинена [8] – прибалтийско-финские языки, Яскеляйнен [9] – финский, Миконе [10] – финский и эстонский, Скалички [11] – венгерский. В широкой перспективе учение о звукоподражательных словах связывается с рассмотрением идеофонов [12, 13] и даже с более широким понятием – символикой звука [14, 15]. Основная идея этих терминов сводится к тому, что даже при общей арбитrarности языкового знака в структуре языка находятся такие элементы, которые собственно фонетически реализуют связь между значением и действительностью. Звукоподражательные междометия можно разделить на две группы: узуальные, имеющие устоявшуюся для данного языка форму описания некоторого звука, соответствующую стандартам правописания языка, и окказиональные, индивидуально-авторские, имеющие необычную форму и часто несоответствующие правилам правописания языка. Узуальные звукоподражания, реализуя нормативное правописание, являются символами, т.е. не прямо отражают сам звук. Окказиональные же междометия, в том числе звукоподражательные слова, в большей степени иконичны: именно в них и реализуется функция описания звука. Надо сказать, что основной упор научного изучения проблемы звукоподражаний был сделан на описание узуальных, чем окказиональных слов.

Описание эксперимента

Метод опроса, связанный с показом видеоклипов на стандартные варианты ситуаций, в европейской практике получил название *elicitation tests*. Цель подобных опросов – получить информацию о том, как в конкретном языке выражается определенное обстоятельство и какие общие тенденции существуют при выборе полученного способа выражения. Опыт реализации данного подхода можно найти, например, в работах, посвященных исследовательским проектам, осуществленным в *Max Planck Institute* (Германия) и университете *Лунд* (Швеция) [16 и др.]. Многие из работ основываются на сборе видеоклипов (76 клипов) для типологических исследований, снятых в рамках проекта *Trajectoire* (Лион, Франция) [17]. Для тех же целей вместо видеоклипов в экспериментах использовались мультфильмы (см., например, [18]).

В рамках курса «Звукоподражательные слова русского языка» Университета Турку (Финляндия) предметом изучения была выбрана группа «водных» звукоподражательных междометий типа *бултых, шлёп, кан, pläts, loiskis, lirlir* и т.д., адекватных наиболее частотным «водным» ситуациям. В этой связи была поставлена задача выявления подобных звукоподражательных слов в финском и русском языках для их последующего анализа. Предполагалось, что результат исследования 1) покажет суммарный «ассортимент» соответствующих звукоподражаний в конкретном языке, 2) выявит межъязыковую разницу представленности звукоподражаний во всех или только в некоторых типичных «водных» ситуациях и 3) поможет обнаружить внутри- и межъязыковые отличительные характеристики полученных звукоподражательных слов при их последующем анализе.

На первом этапе работы были определены типичные «водные» ситуации, знакомые в той или иной степени любому человеку. К ним были отнесены:

0) ситуация, при которой раздается звучание капающей жидкости (например, из крана);

1) ситуация, при которой раздается звук падающего тяжелого (плоского) предмета в жидкость (с погружением);

2) ситуация, при которой раздается звук вырывающегося на поверхность жидкости воздуха, прошедшего через ее толщу (например, из трубочки, погруженной в жидкость);

3) ситуация, при которой раздается звук накатывающейся на пологий берег волны;

4) ситуация, при которой раздается журчание струящейся жидкости;

5) ситуация, при которой раздается звук хлюпающей мокрой обуви;

6) ситуация, при которой раздается гортанный звук глотающего жидкость человека;

7) ситуация, при которой раздается звук кипящей жидкости;

8) ситуация, при которой раздается звук падающего тяжелого (не плоского) предмета в жидкость (с погружением);

9) ситуация, при которой раздается звук лакания жидкости из емкости;

10) ситуация, при которой раздается звук падающего (плоского) предмета на поверхность жидкости (без погружения);

11) ситуация, при которой раздается звук поверхностного плоскостного соприкосновения с прослойкой жидкости.

Второй этап исследования был связан с подготовкой материалов к опросу носителей русского и финского языка на предмет знания и применения ими «водных» звукоподражаний. В этой связи эффективным представлялось визуализировать ситуации, связанные с тематикой предстоящего опроса. Для этого было снято несколько десятков ви-

деороликов (по 5–15 секунд каждый) с ситуациями, определенными как наиболее частотные (см. выше). Таким образом, после отбора видеоматериала был смонтирован один семиминутный ролик, включающий 12 видеосюжетов, разграниченный 30-секундными паузами для ответа респондентов. Последовательность воспроизведения видеофрагментов в сборном ролике строилась по принципу максимальной контрастности «водных» звуков, при этом сами ролики не имели наводящих наименований, а были пронумерованы.

Параллельно с работой над видеоматериалами, был разработан опросный лист на финском и русском языках. В нем анкетирваемым предлагалось указать свой родной язык или языки, пол, а также возраст. Ниже было прописано задание:

1) *Просмотрев каждое видео, попробуйте описать ОДНИМ СЛОВОМ «ВОДНЫЙ ЗВУК», образующийся с помощью воды или с помощью предмета и воды при их взаимодействии.*

2) *Как бы Вы составили ПРЕДЛОЖЕНИЕ, описывающее происходящее в видеоролике?*

Под заданием была размещена таблица с 3 колонками (№ видео, звук-слово, предложение) и 13 рядами для внесения ответов. Под номером ноль в таблице был дан примерный ответ на начальный в сборном ролике сюжет с капающей из-под крана воды. Этот сюжет и ответ на него, внесенный в таблицу, предполагалось использовать как ориентир при постановке задачи респондентам.

Третий этап работы – проведение опроса. Были организованы четыре встречи с участием финских, русских и финско-русских студентов. Всего в опросе приняли участие 22 русскоязычных респондента, среди которых двое – билингвы, с детства живущие в Финляндии, и 18 – финноязычных. Кроме того, один респондент давал ответы на финском языке, будучи носителем родного эстонского языка (замечание об этом см. ниже). Каждая встреча занимала в среднем 15 минут и состояла из вводной части и непосредственной работы участников опроса над ответами. Вводная часть была посвящена разъяснениям по заполнению бланка анкеты и самого задания, а также демонстрации видеопримера с пояснением ответа, внесенного в анкетную таблицу под № 0. Далее проводился сам опрос. В результате проделанной работы удалось получить практический материал по заданной теме для последующей работы с ним.

Результаты

Несмотря на наше стремление смоделировать и продемонстрировать наиболее типичные «водные» ситуации, чтобы вызвать использование узуальных вариантов ответов у носителей языка, в целом можно

отметить неожиданное употребление респондентами разных окказиональных звукоподражаний (например, *брульск, прр, жур, шух-фух-ишии*). Кроме этого наблюдается также стремление участников опроса к использованию «не того» (неожиданного для данной ситуации), но узуального звукоподражания. Например, при описании образования пузырей на поверхности воды, среди ответов финских респондентов встречаем пару *solli – solisee*, которые в финском языке обычно описывают звук струящейся воды, например весной, когда тает лед.

После анализа всех анкетных данных можно отметить: 1) наличие фонетического сходства ответов внутри одного языка, а также ответов между русским и финским языками; 2) употребление звукоподражательных междометий в функции сказуемого и корреляция внутри ответов одного респондента между выражениями одним словом и предложением; 3) наличие коррелирующей связи между узуальным и окказиональным звукоподражаниями; 4) наличие пропущенных ответов как доказательство затруднений в языковой концептуализации некоторых ситуаций. Ниже обсудим данные пункты для каждого видеоклипа отдельно.

Отдельно заметим, что ответы носителя эстонского языка ввиду их специфичности, не отвечавшей задачам данного исследования, не были включены в наш анализ. Дело в том, что эстонский респондент, даже владея финским языком на очень высоком уровне и полагая, что пишет на «естественном» финском, все равно давал ответы, существенно отличающиеся от ответов носителей финского языка. Несмотря на это результаты эстонского респондента по-своему интересны, потому что из родственных языков эстонский – самый близкий финскому, потому что такие ответы могут навести на предмет иного исследования.

Клип 1. Звук падающего тяжелого (плоского) предмета в жидкость (с погружением): большой камень падает в раковину.

В целом ответы респондентов иллюстрируют действительную отраженность заданной водной ситуации в обоих языках с помощью конкретного звукоподражательного слова: в русском варианте – *бултых*, финский вариант – *plätsis, molskis*.

1. Фонетически финские и русские варианты звукоподражаний схожи входящими в их состав звуками п(б)-р, л-л в начале слова. Больше половины ответов финских респондентов и почти треть русских начинаются с этой комбинацией. Комбинация п/б-у/ю-л встречается в 16 из 22 ответов русских респондентов. Кроме того, все указанные финские варианты и большинство русских содержат звук л/л. В описаниях одним словом среди финских респондентов заметна тенденция: все ответы, кроме трех, оканчиваются на s.

2. Среди русскоязычных ответов только один, в котором звуко-подражательное междометие употребляется в функции сказуемого: *Бултых прямо в воду*. В большинстве предложений финских респондентов содержится звукоподражательный глагол (*plompsahtaa*, *lätsähtää*, *humpsahtaa*, *molskahtaa* – восемь разных). Часто глаголы и междометия похожи: *lätsis* – *lätsähti*, *molskis* – *molskahtaa*. В русском варианте подобной тенденции не наблюдаем. Ни один ответ предложением не содержит фреквентного в русском языке глагола *бултыхнуться*. На обоих языках ситуация описывалась часто без указания на звук с помощью эквивалентных глаголов *tippua* и *unastua*.

3. Среди носителей обоих языков наблюдается тенденция к образованию окказиональных слов, похожих на устойчивые звукоподражания, например *брульск*, *plombs*. Они, однако, не являются частотными в материале.

4. Среди носителей русского языка только двое затруднились с ответом, среди финнов всего лишь один.

Клип 2. Звук вырывающегося на поверхность жидкости воздуха, прошедшего через ее толщу: человек дует через трубочку в воду, и вода пузырится.

В целом ответы респондентов иллюстрируют действительную отраженность заданной водной ситуации в обоих языках с помощью конкретного звукоподражательного слова: в русском варианте – *буль-буль*, *бульк*, финский вариант – *pulp*. Важно: отсутствие значимых лексических вариаций в ответах говорит об отсутствии звукоподражательных синонимов, отражающих заданную ситуацию.

1. В данном случае ответы русскоязычных и финноязычных респондентов также схожи входящими в их состав звуками п(б)-р, л-л в начале слова. Общая тенденция среди носителей русского языка сводится к написанию *буль-буль* или *бульк*. В ответах носителей финского языка большинство слов начинаются с буквы р. Почти все носители русского языка описали звук словом, которое начинается с буквы б. Замечаем, что фонетически финские и русские звукоподражания в этом случае достаточно схожи. Таким образом, можно согласиться с тем, что чем элементарнее звук, тем легче его воспроизвести и тем тождественнее это подражание окажется в различных языках [10. С. 284].

2. У русских респондентов встречаем в графе «предложение» однокоренной глагол *булькать*. Среди ответов есть также примеры употребления междометия в функции сказуемого типа *Пузырьки радостно – бульк-бульк*, а также названия звука междометием *вода кипела буль-буль*. Финские глаголы похожи на звукоподражания: *pulp* – *pulputtaa*, *puli-pulisee*, но бывает трудно определить, идет ли

речь об однокоренных с междометиями глаголах или отглагольных междометиях.

3. Отсутствие значимых лексических вариаций в ответах, а также окказионализмов как таковых, говорит об отсутствии звукоподражательных синонимов, отражающих заданную ситуацию.

4. Два носителя финского языка и один русскоязычный не указывают слова, которыми можно было бы описать ситуацию. Трое русских никаким предложением не сумели описать ситуацию, в то время как все финские респонденты справились с этим заданием.

Клип 3. Звук накатывающейся на пологий берег волны: звук морских волн, шум прибоя.

Отсутствие адекватных ответов респондентов показывает невыраженность в обоих языках с помощью конкретного звукоподражательного слова заданной водной ситуации.

1. Большинство ответов русских респондентов сводилось к написанию в духе *ишшшш, тишшш, иш-иш-иш*, кто-то писал существительное – *шум, шум волн*. В ответах финноязычных респондентов также наблюдается тенденция к употреблению подобных звукоподражаний: *shh, shshshshhh, shh*. Как в коротком, так и в длинном ответе превалирует шипящий звук *ш*, его мы встречаем во многих словах. Так, звук волн – это для всех прежде всего шум, как показал эксперимент. Эта тенденция (с описанием на *sh*) особенно интересна с точки зрения финского языка, в котором нет шипящих звуков.

2. Среди ответов русских респондентов нет примеров употреблений звукоподражательных междометий в функции сказуемого. Ответы в рамках предложения в большинстве своем содержат однокоренные слова – *шум, шумит* или всевозможные сочетания с существительным *волны* – *шелест волн, волны набегают, волны издают, шум волн* и т.д. В финском языке есть специальные глаголы, которыми описывается звук волн: *kohisevat, kuohuvat*. Эти же глаголы были самыми распространенными в ответах с предложением и их влияние заметно в словах *koh, koi koi* (еще два раза встретилось существительное *kohina*) в графе «слово». Можно говорить об образовании однокоренных отглагольных междометий.

3. Наблюдается большой процент окказиональных слов в обоих языках. Абсолютная фонетическая несхожесть предлагаемых языковых вариантов окказиональных звукоподражаний говорит о сложности звука предложенной ситуации.

4. Четверо русских респондентов затруднились ответить одним словом и трое – предложением, что закономерно: язык не располагает специальным звукоподражанием для выражения звука волн. Двое за-

труднились как со словом, так и с предложением. По аналогичной причине пятеро финских респондентов затруднились дать ответ одним словом, один – предложением.

Клип 4. Журчание струящейся жидкости.

В русском языке не существует звукоподражания для выражения звука журчания. Ответы под данным видео отличаются широчайшим спектром звуков и слов. В финском языке, напротив, есть и глаголы, и слова для этого звука, и большинство респондентов использовали их в своих ответах: *liri*, *liriliri*, *liristä*. В данном случае нельзя говорить об идентичности звукоподражаний в обоих языках. Часть ответов русскоговорящих респондентов – это звукоподражания, закрепленные в русском языке. Ответы финноязычных респондентов подтвердили наше предположение об использовании в данной ситуации соответствующего звукоподражания.

1. Фонетического сходства между русскими и финскими звукоподражаниями не наблюдается.

2. У многих русских респондентов в графе «предложение» – вода *льется*, *струится*, *течет*, типичные глаголы движения, связанные с водой. Среди ответов не было примеров употребления междометия в функции сказуемого. Среди финских респондентов все, кроме одного, описали ситуацию звукоподражательным глаголом.

3. У русскоязычных среди ответов встречаем и *труль-труль-труль*, и *тсс-тсс-тсс*, наблюдается тенденция к образованию окказионизмов, кроме нескольких ответов с *кап* и *буль*, все остальные звукоподражания такими и были. Среди ответов финских респондентов только один респондент употреблял другое связанное с водой звукоподражание (*plip plop*), все остальные употребляли звукоподражание из серии *liri* / *logi*.

4. Шестеро русских респондентов, а это больше четверти опрошенных, затруднились дать какой-либо ответ одним словом, трое – предложением. Из финских респондентов трое затруднялись ответить одним словом и один – предложением.

Клип 5. Звук хлюпающей мокрой обуви: вода в резиновых сапогах.

Ответы обеих групп респондентов довольно разнообразны, что нами изначально не предполагалось.

1. Фонетического сходства между ответами русскоязычных и финноязычных респондентов не наблюдается.

2. Предикативная функция звукоподражательных междометий в графе «предложение» в ответах русскоязычных респондентов встреча-

ется 2 раза (Туда сюда, в своих резиновых сапогах он шагами измерял комнату, жмяк-жмяк и А он своими сапожищами – чвак, чвак!). Сходство заметно при сравнении ответов в графе «предложение», в обоих языках респонденты использовали звукоподражание, соответствующее тому, которое было написано в графе «звук-слово», например *хлюп* и *вода хлюпала в сапогах* или *molsk* и *kumisaappaissa molskuu vettä*. Сопоставляя ответы русских и финских респондентов, замечаем, что в подавляющем большинстве и финских, и русских ответов звук описывается разнообразными вариациями.

3. В ответах русскоязычных респондентов встречаются два окказионализма (*жвух*, *тлик-влик-плик*), и еще одно звукоподражание (*чав-чав*) можно также отнести к окказионализмам, хотя в то же время его можно объединить с фонетически схожими звукоподражаниями (*чвак-чвак* (2 раза), *чвак* (1 раз), *чавк-чавк* (1 раз)). В ответах финноязычных респондентов тоже встречаются окказионализмы (*sklurts*, *plötsplits*, *plörts*), а также окказионально образованное от глагола звукоподражание (*hölsk* от *Saappaat hölskyvät* и *Vesi hölskyä saappaissa* и *loti* от *lotista*).

4. Русскоязычные респонденты: двое затруднились дать какой-либо ответ одним словом, три – предложением. Финноязычные респонденты: трое затруднились дать какой-либо ответ одним словом, однако дали ответ в графе «предложение».

Клип 6. Гортанный звук глотающего жидкость человека.

В данном случае нами предполагалось отсутствие ответов, так как мы считаем, что ни в русском, ни в финском языке не существует зафиксированного звукоподражания, описывающего глотание. Итак, почти 50% процентов русских респондентов затруднились с ответом. Оставшаяся часть ответов – преимущественно окказионализмы.

1. Интересно, что если ответы русскоязычных респондентов фонетически были довольно разнообразны, то в ответах финноязычных респондентов прослеживается сильное фонетическое сходство. Что еще более интересно, комбинация звуков *kl-/gl-*, встречающаяся в большинстве ответов, обычно отсутствует в финском языке (кроме некоторых заимствованных слов). Фонетическое сходство присутствует между некоторыми ответами русскоязычных респондентов: *гулт*, *глт*, *глык*, *глик* и *умг-умг*, *омг-омг*, *кзм*. Между собой ответы русскоязычных и финноязычных респондентов ярко выраженного фонетического сходства не имеют.

2. Предикативная функция звукоподражательных междометий в графе «предложение» в ответах русскоязычных респондентов не зафиксирована. В графе «предложение» в 7 из 17 ответов русскоязычных

респондентов присутствуют соответствующие написанным в графе «звук-слово» звукоподражания, например *Она жадно пьет воду, омг-омг* (в графе «звук-слово» – *омг-омг*); *Из его горла был слышен гулп* («звук-слово» – *гулп*), или однокоренной звукоподражанию глагол: *Глыкать воду* («звук-слово» – *глык*). В графе «предложение» в ответах финноязычных респондентов также присутствуют звукоподражания, соответствующие написанным в графе «звук-слово», например *Kurkusta kuuluu kulk, kulk* (в графе «звук-слово» – *kulk*), и однокоренные звукоподражаниям окказиональные глаголы, например *Vesi klunksahtaa kurkkuun* (в графе «звук-слово» – *klunk*).

3. Все звукоподражания окказиональны в данном случае, так как не существует зафиксированного звукоподражания, описывающего глотание.

4. Русскоязычные респонденты: девять затруднились с написанием какого-либо ответа одним словом, пять – предложением. Финноязычные респонденты: два человека затруднились с написанием ответа одним словом, а три – предложением.

Клип 7. Звук кипящей воды.

Наша гипотеза об употреблении звукоподражательных междометий *буль* или *буль-буль* оправдалась в ответах семи русскоговорящих респондентов, что составляет примерно треть общего числа опрашиваемых. Три человека вместо звукоподражания использовали существительное, описывающее происходящее в видеоклипе: *кипение* (2 раза), *бурление* (1 раз), *шум* (1 раз). Это, скорее всего, подтверждение того факта, что звукоподражания в русском языке по своей форме похожи на существительные, если носитель языка не может подобрать подходящее звукоподражание, то он заменяет его похожим (чаще по звучанию) существительным.

1. Фонетическое сходство наблюдается между ответами русских и финских респондентов – почти все ответы (одно слово) русских респондентов и примерно половина финских ответов начинаются с буквы п/б. Поскольку в исконно финских словах не существует звонкого варианта (б), очевидно, что таких ответов среди финноязычных респондентов нет – носители финского языка не воспринимают звонкость данного звука, в то время как среди ответов русскоязычных респондентов присутствуют оба варианта.

2. Описывая ситуацию предложением, большинство финских респондентов не называют никакого звука, а просто констатируют *vesi kiehuu* ‘вода кипит’. В предложениях, описывающих ситуацию кипящей воды, существует тенденция к образованию однокоренных глаголов от звукоподражаний, например *булькать*. Однако среди от-

ветов нет употреблений звукоподражательных междометий в функции сказуемого.

3. В ответах встречаются три созвучных окказиональных звукоподражания с шипящими: «пш», «впших-впших», «шшш». Это прямое подтверждение того, что в целом для группы звукоподражаний актуальна тенденция к образованию окказионализмов. Ответы финских респондентов в большинстве своем представлены окказиональными звукоподражаниями (*kohikohi*, *plupluplu*, *pulp* и т.д.). Отчетливо прослеживается тенденция к образованию звука *porpor* / *pori* / *porina* (всего пять ответов) от глагола *porista*, который связывается со звуком кипящей жидкости. Прослеживается также тенденция к образованию окказиональных слов.

4. Три русскоязычных и пять финноязычных респондентов не дали ответа в графе «звук-слово», в графе «предложение» с ответом затруднились семь носителей русского языка и один носитель финского.

4.8. Клип 8. Звук падающего тяжелого (не плоского) предмета в жидкость (с погружением): камень падает в реку.

1. Большая часть ответов носителей русского языка представлена звукоподражанием *бултых*, именно оно предполагалось в качестве иллюстрации к данному видеоролику. У респондентов встречаем также и звукоподражание *плюх* (4 раза), которое по семантике не соответствует заданной ситуации, *плюх* – это в первую очередь обозначение звука, вызываемого упавшим плашмя предметом.

2. Среди ответов русскоязычных респондентов не было употреблений звукоподражательного междометия в позиции сказуемого. В тех случаях, когда употреблялось такое междометие, оно описывало звук, например *Что-то упало в воду – бум*. Половина респондентов в графе «предложение» использовала звукоподражательные слова из первой графы в составе предложений или образовывала глагол от звукоподражания – *бултыхнуться* от *бултых*. Носители финского языка представили в своих ответах широкий спектр звукоподражаний – *loisk*, *loiskis* (4x), *plomps* / *plompsis* / *plumps* / *plumpsis* (всего шесть ответов), *pläts*, *plöts*, *molsk* / *molskis* (следует заметить, что все из них зафиксированы в словарях), образованных от соответствующих им глаголов. Половина респондентов в графе «предложение» употребляет глагол, образованный от соответствующего ему звукоподражания, – *loiskahtaa* (4x), *lösähtää*, *molskahtaa*, *plumpsahtaa*, *plätsähtää*. Таким образом, подытожим: в описании данного видеоролика прослеживается очевидная тенденция образования однокоренных глаголов от соответствующих им звукоподражаний и наоборот как в финском, так и в русском языках.

3. Среди ответов и русских, и финских респондентов встречаем несколько окказионализмов. Однако их доля невелика.

4. Из русскоязычных респондентов три затруднились описать звук одним словом и семь – предложением. Все финноязычные респонденты описали ситуацию и одним словом и предложением.

Клип 9. Звук лакания жидкости из емкости: собака лакает из миски воду.

Итак, в ходе анализа ответов нами была выявлена одна существенная особенность финского языка – здесь существует специальное звукоподражание для обозначения звука, возникающего, когда животное лакает воду, чего в русском языке не наблюдается, поэтому большую часть ответов русскоговорящих респондентов составляют окказионализмы.

Словом, наиболее соответствующим этому звуку, представляется звукоподражание *хлюп* (от глагола *хлюпать*), хотя частотность и закреплённость его употребления в подобном контексте вызывают сомнения. Остальные 50% ответов представлены, например, «собственно» окказиональными звукоподражаниями: *тлюк*; «несобственно» окказиональными звукоподражаниями, по форме напоминающими русский глагол, который может быть использован для описания заданной ситуации, например *чвя* – *чвякать*, *лак* – *лакать*; 2 ответа из 11 выявляют единичное употребление известных звукоподражательных слов, но обычно связанных с другим ситуационным контекстом – *блук* (вероятно, тот же *плюх*) и *клап* (ср. англ. *clap*).

Если говорить об интерпретации ситуации носителями финского языка, то здесь изначально существует звукоподражание, которым описывается звук, издаваемый животным при поглощении воды, – *lurp*, *lurps*. Только 5 из 18 описали действие с помощью этого звукоподражания в его различных модификациях – *lurp lurp* / *lurps* / *slurps*. Другая группа звукоподражаний, повторяющаяся в ответах, – это серия *lip* / *lip lap* / *laplap*, обычно связанных со звуками волны, присутствуют также отглагольные слова *litk* и *latk*.

1. В фонетическом плане нет сходства между финскими и русскими звукоподражаниями. Все финские звукоподражания, употребляемые в этой ситуации, имеют букву *l*.

2. В функции сказуемого звукоподражательные междометия не использовались русскоязычными респондентами. В тех случаях, когда в описаниях ситуации одним словом употреблялось звукоподражательное слово, оно описывало звук вместе с глаголом, а не было в самостоятельной функции сказуемого, например *Собака пьет воду – блук, блук, блук*. В большинстве русских ответов предложением звук совсем

не описывается, констатируется просто, что собака пьет воду и т.п. Финские респонденты, однако, примерно в половине ответов в графе «предложение» описывают звук.

При составлении предложений, описывающих заданную ситуацию, респонденты чаще выбирают стандартные глаголы (*пить, лакать, хлюпать*) в функции сказуемого без употребления звукоподражаний или используют свое звукоподражание в функции подлежащего в одной из частей сложного предложения.

3. Многие из русских ответов в этом случае окказионализмы. Среди финских ответов их только один – *flotk-flotk*.

4. Половина русскоговорящих респондентов затруднилась с подбором звукоподражательного слова на заданный клип вследствие того, что в русском языке не существует специального звукоподражания, связанного с описанием звука, издаваемого животным при поглощении им жидкости из какой-либо емкости. О трудности описания данной ситуации носителями русского языка каким-либо одним звукоподражательным словом свидетельствует тот факт, что восемь респондентов не дали никакого ответа, в то время как из финских только два затруднились с ответом. Те же самые два финских респондента совсем не описали ситуацию предложением, а из русских таких было четверо, трое из которых те же, кто не предложил и описания одним словом.

Клип 10. Звук падающего (плоского) предмета на поверхность жидкости (без погружения): игрушечный кораблик ударяется плоским дном о поверхность воды.

Из русских респондентов шесть употребили слово *шлеп*. Отмечается тенденция – 9 ответов из 19 – к употреблению регулярных для русского языка звукоподражаний, но по частоте употребления и смыслу относящихся к иным ситуациям: «водным» – *бульк, булк*; «неводным» – *бум, бац, чмок*. Финские респонденты использовали такие же звукоподражания, как в случае шестого клипа. Из них *loisk, läts, läiskis* и *plöts* повторяются по 2 раза, и по одному разу присутствуют *lits, lots, lätsis, molsk* и *pläts*. Значит, для большинства респондентов ситуации («камень в реку» или «кораблик в раковину») с точки зрения описания звука одинаковы. Однако два респондента описывают звук другим образом, называя его *plop* (зафиксированное междометие) или *plotm* (окказионализм).

1. Фонетического сходства между ответами русскоязычных и финноязычных респондентов не наблюдается. За исключением одного ответа русскоязычного респондента – *лойск*, возникшего, вероятно, под влиянием второго близкого для респондента языка – финского.

2. Предикативная функция звукоподражаний в графе «предложение» в ответах русскоязычных респондентов встречается 3 раза (всего

17 ответов): *Шлеп кораблик в воду, Пуфф – и прямо в воду, бульк бульк кораблик*. Примерно половина респондентов не описывает звук в графе «предложение». Вторая половина употребляет однокоренные глаголы с теми звукоподражаниями, которые используются отдельно. В обоих языках респонденты часто использовали звукоподражание, соответствующее тому, которое было написано в графе «звук-слово», или глагол, имеющий общий корень с написанным звукоподражательным междометием.

3. В ответах русскоязычных респондентов встречаются три окказионализма: *пхл, тых, пуфф*. В ответах финноязычных респондентов встречается окказионализм *plotm*.

4. Русскоязычные респонденты: два человека затруднились с написанием какого-либо ответа одним словом, пять – предложением. Все финноязычные респонденты ответили и одним словом, и предложением.

Клип 11. Звук поверхностного плоскостного соприкосновения с прослойкой жидкости: шлепать в сапогах по мокрому полу.

Среди ответов русскоязычных респондентов 7 ответов из 14 – звукоподражание ‘*шлеп*’. Отмечается тенденция – 4 ответа из 14 – к употреблению регулярных для русского языка звукоподражаний, но по частоте употребления и смыслу относящихся к иным ситуациям: *хлоп, хлоп, бац, чпок*. Финские респонденты использовали очень разные звукоподражания. Из них *läts / lätsis / lits / lits läts / lots* повторяется девять раз среди респондентов, другая серия – это *liti, läti, lotin*, связанные с глаголами *litistä, lätitä, lotista* ‘хлюпать’.

1. Фонетического сходства между ответами русскоязычных и финноязычных респондентов не наблюдается. Однако ответы финских респондентов между собой похожи фонетически, во всех из них есть в начале комбинация *l* + гласный звук + *t*.

2. Предикативная функция звукоподражательных междометий в графе «предложение» в ответах русскоязычных респондентов встречается 2 раза (всего 15 ответов): *Топ по воде в сапогах, А он как – бац! – и брызги во все стороны*. Даже если описания звука предложением финскими респондентами не совпадали, каждый из них использовал звукоподражательный глагол в своем ответе. В обоих языках в графе «предложение» респонденты часто использовали звукоподражание, соответствующее тому, которое было написано в графе «звук-слово», или глагол, имеющий общий корень с написанным звукоподражанием. При составлении предложений, описывающих заданную ситуацию, респонденты также часто употребляют регулярные глаголы (*шлепать, топтать, стучать*) в функции сказуемого без употребления звукоподражаний.

3. В ответах русскоязычных респондентов встречаются четыре окказионализма: *тыты*, *хляп*, *плюм-плюм*, *ч(т?)бл*. В ответах финноязычных – также четыре окказионализма: *kläps*, *pumprigumprum*, *tap tap*, *tlits-tläts-tlots*.

4. Из русскоязычных респондентов шесть человек затруднились с написанием какого-либо ответа. Все финноязычные респонденты ответили. Необходимо отметить, что большое количество пропусков, вероятнее всего, связано с тем, что «танец» в видео не столько забавлял респондентов и помогал непринужденно выбрать наиболее адекватный ответ, а, напротив, сбивал с толку от понимания типичности и простоты ситуации взаимодействия плоского предмета с мокрой поверхностью, с прослойкой воды (ср. ситуацию, когда ребенок бежит по лужам). Это же подтверждает наличие собственно «музыкальных», «предметных», «неводных» звукоподражаний, например *бац*, *хлоп*, *тыты*.

Выводы

После анализа данных, полученных экспериментальным путем об употреблении звукоподражаний, связанных с водой в финском и русском языках, можем констатировать следующее. Вопреки нашим ожиданиям, ответы опрашиваемых носителей финского и русского языков существенно отличались между собой. В финском языке вариация реализовалась сериями похожих звукоподражаний, в русском – в основном употреблением разных, не связанных между собой фонетически звукоподражаний, или окказионализмов. Употребление русских звукоподражательных междометий в функции сказуемого не было распространено в этом материале. Наблюдается фонетическое сходство в случае некоторых типовых ситуаций, но в основном материал подтверждает предположение, что носители разных по фонетической структуре языков не только называют, а также воспринимают звуки различным образом. Тестировалась также общечеловеческая способность к быстрому языковому реагированию в периферийной области языковой интуиции, а именно в случае нечастотных, экспрессивных слов.

Литература

1. *Русская грамматика*. М. : Институт русского языка РАН, 1980. 783 с.
2. *Малинка А.В., Нагель О.В.* Лексическая номинация: ономаσιологический и когнитивный подходы // *Язык и культура*. 2011. № 4 (16). С. 44–56.
3. *Воронин С.В.* Основы фоносемантики. Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1983. 244 с.
4. *Кор Шаин И.* Плюх! – плюх – плюхнуть(ся). К вопросу об эволюции нарративных предикатов в свете корпусных данных // *Инструментарий русистики: корпусные подходы* / под ред. А. Мустайоки, М.В. Копотева, Л.А. Бирюлина, Е.Ю. Протасовой. Хельсинки : Department of Slavonic and Baltic Languages and Literatures, 2008. С. 152–162.

5. **Орлянская Т.Г.** Звукоподражание и звуковой символизм (на материале японского, русского и английского языков) // Вестник Московского университета. Сер. 19. 2006. № 3. С. 83–99.
6. **Середа Е.В.** Морфология современного русского языка. Место междометий в системе частей речи. М. : Флинта, 2005. 159 с.
7. **Fidler M.U.** Onomatopoeia in Czech. Bloomington, IN : Slavica Publishers, 2014. 239 с.
8. **Leskinen J.** (ed.). Itämerensuomalaista ekspressiivisanaston tutkimusta. Jyväskylä : Jyväskylän yliopisto, 2001. 162 p.
9. **Jääskeläinen A.** Todisteena äänen kuva. Suomen kielen imitatiivikonstruktiot. Helsinki : Unigrafia, 2013. 361 p.
10. **Mikone E.** Deskriptiiviset sanat. Määritelmät, muoto ja merkitys. SKS: Helsinki, 2002. 156 p.
11. **Скаличка В.** Исследование венгерских звукоподражательных выражений // Пражский лингвистический кружок : сб. ст. / под ред. Н. Кондрашова. М. : Прогресс, 1967. С. 277–316.
12. **Katsuki-Pestemer N.** An Introduction to Japanese Ideophones. Muenchen: Lincom, 2014. 330 p.
13. **Voeltz E.F.K., Kilian-Hatz C.** (eds.). Ideophones. Amsterdam : John Benjamins, 2001. 434 p.
14. **Hinton L., Nichols J., Ohala J.J.** Sound Symbolism. Cambridge : Cambridge University Press, 1994. 373 p.
15. **Jakobson R., Waugh L.R.** The Sound Shape of Language. Berlin : Mouton de Gruyter, 1987. 335 p.
16. **Kopecka A., Narasimhan B.** Events of putting and taking. A crosslinguistic perspective. Amsterdam/Philadelphia : John Benjamins, 2012.
17. **Ishibashi M., Kopecka A., Vuillermet M.** Trajectoire : matériel visuel pour élicitation des données linguistiques. Fédération de Recherche en Typologie et Universaux Linguistiques, 2006.
18. **Blomberg J.** Motion in Language and Expiience. Lund : University of Lund, 2014. 250 с.

Поступила в редакцию 18 января 2016 г.

Сведения об авторах:

Виймаранта Йоханна, доктор философии, профессор русского языка Университета г. Турку (Турку, Финляндия). E-mail: johanna.viimaranta@utu.fi

Александрова Анна Алексеевна, студентка первого года обучения по программе подготовки магистров кафедры русского языка и литературы факультета гуманитарных наук, психологии и теологии Åbo Akademi (Турку, Финляндия). E-mail: aaleksan@abo.fi

Богомолов Алексей Сергеевич, выпускник филологического факультета КГУ им. Н.А. Некрасова, студент кафедры русского языка и литературы факультета гуманитарных наук, психологии и теологии Åbo Akademi (Турку, Финляндия). E-mail: bogomolov_alexey@mail.ru

Пасмор Екатерина Сергеевна, студентка кафедры русского языка и литературы факультета гуманитарных наук, психологии и теологии Åbo Akademi (Турку, Финляндия). E-mail: erasmor@abo.fi

Тикканен Лаура, магистр гуманитарных наук; преподаватель финского и русского языков Христианского института и Финскоязычного просветительского центра для взрослых г. Турку (Турку, Финляндия). E-mail: laura.tikkanen@turku.fi

INTERJECTIONS PERTAINING TO SOUNDS OF WATER IN FINNISH AND RUSSIAN

Viimaranta Johanna, Ph.D; Professor of the Russian Language; University of Turku (Turku, Finland). E-mail: johanna.viimaranta@utu.fi

Aleksandrova A.A., Postgraduate Student, Åbo Akademi, Faculty of Arts, Psychology and Theology, Department of Russian Language and Literature (Turku, Finland). E-mail: aaleksan@abo.fi

Bogomolov A.S., graduate of the Faculty of Philology, student Åbo Akademi, Faculty of Arts, Psychology and Theology, Department of Russian Language and Literature (Turku, Finland). E-mail: bogomolov_alexey@mail.ru

Pasmor Ekaterina S., student at Åbo Akademi, Faculty of Arts, Psychology and Theology, Department of Russian Language and Literature (Turku, Finland). E-mail: epasmor@abo.fi

Tikkanen Laura, Master, teacher of Finnish and Russian languages, The Christian Institute and the Finnish-educational center for adults in Turku (Turku, Finland). E-mail: laura.tikkanen@turku.fi

DOI 10.17223/19996195/33/1

Abstract. The object of the research were onomatopoeic words imitating the sounds of water in Russian and Finnish. In an elicitation test, the subjects (22 native speakers of Russian and 18 of Finnish) were asked to fill in a questionnaire based on video clips that included different sounds of water in typically occurring situations. The participants were asked to describe the sound by a word and a sentence. The starting hypothesis that there would be many similar answers turned out to be wrong. Even though some similar tendencies were spotted, the answers given by Russian-speakers and Finnish-speakers showed significant differences. Moreover, native speakers of the same language often provided different answers describing the same sound. For Finnish-speakers, the different answers were often similar phonetically, while Russian-speakers used non-related onomatopoeia and occasionalisms. The predicational function previously described as central to Russian onomatopoeic interjections did not prove to be so in this case.

Keywords: onomatopoeia; Russian; Finnish; linguistic experiment; elicitation test.

References

1. Anon (1980) *Russkaya grammatika*. [Russian grammar]. Moscow: Institut russkogo yazyka RAN.
2. Malinka A.V., Nagel' O.V. (2011) Lexical naming- onomasiological and cognitive approaches. *Yazyk i kul'tura. Ser. Lingvistika – Language and culture. Series “Linguistics”* 4 (16). pp. 44–56. (In Russian).
3. Voronin S.V. (1983) *Osnovy fonosemantiki*. [The basics of phonosemantics.]. St. Petersburg: Izd-vo Leningrad. un-ta.
4. Kor Shain I. (2008) Plyukh! – plyukh – plyukhnut'(sya). K voprosu ob evolyutsii narrativnykh predikatov v svete korpusnykh dannykh [Splash! - Splash - flop. On the question of the evolution of narrative predicates in the light of case data]. In: Mustayoki A., Kopotev M.V., Biryulin L.A., Protasova E.Yu. (eds) *Instrumentariy rusistiki: korpusnye podkhody - Russian Studies Instrumentation: case study approaches*. Vol. 34. Helsinki: Department of Slavonic and Baltic Languages and Literatures.
5. Orlyanskaya T.G. (2006) Zvukopodrazhanie i zvukovoy simbolizm (na materiale yaponskogo, russkogo i angliyskogo yazykov) [Onomatopoeia and sound symbolism (based on Japanese, Russian and English languages)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta Ser. 19 - Moscow State University Journal Series 19 3*. pp. 83–99.
6. Sereda E.V. (2005) *Morfologiya sovremennogo russkogo yazyka. Mesto mezhdometiy v sisteme chastei rechi*. [Morphology of modern Russian language. Place of interjections in system of parts of speech.]. Moscow: Flinta.
7. Fidler M.U. (2014) *Onomatopoeia in Czech*. Bloomington, IN: Slavica Publishers.
8. Leskinen J. (ed.). (2001) *Itämerensuomalaista ekspressiivisanaston tutkimusta*. Jyväskylä: Jyväskylän yliopisto.
9. Jääskeläinen A. (2013) *Todisteena äänen kuva. Suomen kielen imitatiivikonstruktiot*. Helsinki: Unigrafia.
10. Mikone E. (2012) *Deskriptiiviset sanat. Määritelmät, muoto ja merkitys*. SKS: Helsinki.

11. Skalichka V. (1967) Issledovanie vengerskikh zvukopodrazhatel'nykh vyrazheniy [The study of Hungarian onomatopoeic expressions]. In: Kondrashov N. (ed.) *Prazhskiy lingvisticheskiy kruzhok - Prague Linguistics School* Moscow: Progress pp. 277–316.
12. Katsuki-Pestemer N. (2014) *An Introduction to Japanese Ideophones*. Muenchen Lincom.
13. Voeltz E.F.K., Kilian-Hatz C. (eds.). (2001) *Ideophones*. Amsterdam: John Benjamins.
14. Hinton L., Nichols J., Ohala J.J. (1994) *Sound Symbolism*. Cambridge: Cambridge University Press.
15. Jakobson R., Waugh L.R. (1987) *The Sound Shape of Language*. Berlin: Mouton de Gruyter.
16. Kopecka A., Narasimhan B. (2012) *Events of putting and taking. A crosslinguistic perspective*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
17. Ishibashi M., Kopecka A., Vuillermet M. (2006) *Trajectoire: matériel visuel pour élicitation des données linguistiques*. Fédération de Recherche en Typologie et Universaux Linguistiques.
18. Blomberg J. (2014) *Motion in Language and Experience*. Lund: University of Lund.

Received 18 January 2016